

вероломство не останется безнаказанным. Ведь они сами вступили в переговоры, за своим рукоприкладством и печатью!».⁸³

Если признать, что уже в это время Курбский вел тайные переговоры с польским королем Сигизмундом-Августом, то причины гибели графа Арца предстанут в совершенно ином свете. Однако такое предположение является маловероятным.

В переговоры с литовским правительством Курбский вступил скорее всего в последние месяцы пребывания в Юрьеве, в феврале—апреле 1564 г.⁸⁴ Как раз в это время он осторожно наметнул в послании Васьяну, что из-за гонений некоторым людям приходится бежать из отечества. Обстоятельства, изложенные выше, заставляют прямо предполагать, что к моменту написания послания Васьяну Курбский не только помышлял об отъезде из России, но и вел тайные переговоры с королем. Толкая старцев на открытое выступление против царя, Курбский сам тайно готовился бежать за границу.

Третье послание не было простым продолжением переписки, ранее завязавшейся между Курбским и Васьяном. Прежде всего оно значительно отличалось от предшествующих посланий по своему содержанию. Если в первых посланиях большое место отводилось догматическим вопросам, то в последнем они совершенно игнорировались.

По своей структуре и содержанию третье послание Курбского в Псково-Печерский монастырь сходно с его же посланием царю из Вольмара. Оба эти послания настолько близки текстологически, что не остается сомнений в том, что они писались под влиянием одних и тех же событий в одно и то же время. Заключительные тирады Курбского в двух посланиях производят впечатление перефразировки одного и того же текста.⁸⁵

Третье послание старцу
Васьяну

Послание царю из Вольмара
(май—июнь 1564 г.)

Бог судитель праведныи и крепкии между вами и мною: и аще ко вратом смертным приближуся, и сие писанеице велю себе в руку вложити, идущу с ним к неумытному судии, к ... Иисусу.⁸⁶

И о сем, даже до сих, писание сие, слезами измоченное, во гроб со собою повелю вложити, грядуще с тобою на суд бога моего, Иисуса Христа.⁸⁷

В каждом случае Курбский в совершенно одинаковых выражениях повествует о своих воинских заслугах:

Колико трудихся, вхождах и исхождах пред полки господскими... и ни когда же бегуном быв, но паче одоле-

Пред войском твоим хождах и исхождах, и никоего же тебе бесчестия приведох, но только победы пре-

⁸³ Ф. Ниенштедт. Ливонская летопись. — Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. 4. Рига, 1883, стр. 34—36. Рассказ Ниенштедта подтверждается в основных чертах свидетельством другого современника — ливонского хрониста Руссова (Ливонская хроника Руссова. — Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. 3. Рига, 1880, стр. 147—148). Без всякого на то основания А. Н. Ясинский считал, что именно неудачное Гельметское дело и навлекло на Курбского гнев царя и подозрение в измене (А. Н. Ясинский. Сочинения князя Курбского как исторический материал, стр. 70—71).

⁸⁴ Для того чтобы получить грамоту из Литвы от короля, ответить на нее, затребовать новую грамоту и получить ее из-за рубежа, требовалось значительное время, учитывая в особенности тогдашние средства передвижения.

⁸⁵ Текстуальную близость этих двух посланий отметил Я. С. Лурье (Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV, стр. 473)

⁸⁶ РИБ, т. XXXI, стр. 408—409.

⁸⁷ Там же, стр. 6.